

Виталий СМИРНОВ

ДОНСКИЕ ПЕРЕКАТЫ

*Историческое повествование
о Сталинградской битве*

2017
Волгоград

Смирнов, Виталий Борисович
С50 Донские перекаты [Текст]: историческое повествование о Сталинградской битве / Виталий Смирнов. — Волгоград: Издатель, 2017. — 304 с.

© ГБУК «Издатель», оформление, 2017
© Смирнов В. Б., 2017

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Истоки бандитской авантюры Гитлера

1

В своём фундаментальном труде о происхождении человека Чарлз Дарвин позволил себе одно досадное упущение. Он не попытался разобраться в том, кто произошёл раньше: Бог или Сатана. И из каких обезьяньих разновидностей появились богочеловеки и сатанисты. Если же отвлечься от Дарвина, теория которого в новейшие времена подвергается серьёзной критике, и исходить из философии божественного происхождения мира, то логично предположить, что первичен Бог, а Сатана — его порождение. Мне же кажется, что раньше самозародился Сатана вместе со всей своей дьявольской сворой, несущей в мир зло. А Бог появился позднее как противоядие Дьяволу и всей его сатанинской нечисти. Да и по логике вещей зло родилось раньше бытия, которое, по известной марксистской философии, определяет сознание. А добро — это уже продукт сознания, которое, если перенести интонационное ударение на последнюю часть марксистской формулы, определяет бытие. Вот ведь какая коварность заложена в этой формуле, в справедливости которой не разберётся ни Бог, ни Дьявол. А только сам конкретный человек, которому позволено разобраться в этой философской загадке и понять, что эти материи взаимозависимы. И неосознанное бытие ничем не лучше, чем сознание вне бытия. Звучит кощунственно, но если вдуматься, справедливо.

Не вдаваясь в дальнейшие умствования по этому поводу, замечу только, что Бог и Дьявол, по-моему, это два космических антимира, противостояние которых, вечное как жизнь, потрясает человечество, выражаясь в менее или более кровопролитных войнах. Война — это не божье наказание, а дьявольское наваждение.

Любая война — локальная или тотальная — это трагедия по меньшей мере двух народов. Мировая война — это рукотворный катаклизм, охватывающий многие территории и государства. Природные стихии в этот кровопролитный процесс, чаще всего планетарного масштаба, непосредственно не вмешиваются, но нередко оказывают влияние на результаты мирового противоборства, для кого-то из участников положительное, для кого-то отрицательное вне зависимости от того, кто был за-

чинщиком этой бойни. Да и куда деваться человеку, если даже боги зачастую лютуют между собою. Иными словами, войны — явление, сопутствующее человеческим цивилизациям с самого момента появления этого разумно-неразумного существа на планете. Но, говорят, что и в космосе тоже нет ладу.

Не буду останавливаться на историософских причинах возникновения мировых войн. Они давно истолкованы. Причины эти неоднородны. Но общее у всех войн одно. Их затевают не народы, а правители. А воюют народы, расплачиваясь за навязчивые идеи и амбициозные авантюры властителей своими жизнями. В разные эпохи были среди властителей и такие, которые мечтали о завоевании всего мира. Среди них оказался и Адольф Гитлер, на беду России ставший в конце тридцатых годов прошлого столетия партийным и государственным лидером Германии, оплота фашистской идеологии — одного из дьявольских наваждений на нашей планете.

В тридцатых годах прошлого века политическая карта мира, в особенности Европейского континента, была весьма пёстрой и противоречивой. Единственное, в чём почти никто из государственных лидеров Европы не сомневался, было предчувствие новой мировой войны, которая и началась спустя четверть столетия после Первой мировой, получившей порядковую оцифровку сразу после 1 сентября 1939 года, когда немецкие войска перешли польскую границу. Вопреки, кстати сказать, всей Версальско-Вашингтонской системе международных отношений, которая должна была регулировать мировой порядок после подписания Версальского мирного договора (1919) и соглашений, заключённых на Вашингтонской конференции 1921–1922 годов. Все эти документы носили чисто бутафорский характер, в особенности для так называемых государств-победителей (Великобритания, Франция, США, Япония, Италия), которые не скрывали своих притязаний на чужие территории, не стремились к безусловному соблюдению совместно разработанных условий и практически не контролировали ограничения, предусмотренные для побеждённых государств-агрессоров, к числу которых была отнесена и Советская Россия как наследница царской России, принимавшей участие в Первой мировой войне.

Если вы думаете, что Версальский мир стал для Германии смиренной рубашкой, преследовавшей цель умерить аппетиты агрессивно настроенного государства, то вы глубоко заблуждаетесь. Рубашку надели, но завязать узлом рукава на спине забыли. Как забыли поставить в покоех будущего агрессора амбала, который надзирал бы за соблюдением сумасбродом всех пунктов мирного договора, заключённого в многовековой блистательной резиденции французских монархов. И не просто надзирал бы и увещевал его, но, как говаривал мудрый русский баснописец, «слов не тратил по-пустому там, где нужно власть употребить». Да и кто бы согласился взять на себя исполнение функций амбала, не зная, что его ждёт впереди. Короче говоря, безнадзорный сумасброд с развязанными руками творил всё, что ему хотелось.

Пока большевики устанавливали власть Советов, боролись с интервенцией, вели Гражданскую войну, а затем занимались коллективизацией и индустриализацией страны, стараясь мало-мальски приблизиться к промышленному потенциалу стран-победителей, ранее других ступивших на стезю империалистического обогащения, Советской России, которая помимо прочих хозяйственных дел занималась и культурной революцией, было не до политических интриг, расцветших пышным цветом именно в тридцатые годы, когда Германия, невзирая на все договорённости по ограничению её военного потенциала, сколачивала нацистскую империю, преследовавшую далеко идущие цели. «Акулы империализма», оправившись от мирового экономического кризиса 1929–1933 годов, тоже не дремали, протянув свои загребущие руки далеко за пределы Евразийского континента. Это была пора многочисленных альянсов и мезальянсов, всякого рода пактов, «союзов» и союзнических «осей» в надежде общими усилиями противостоять надвигающейся Второй мировой войне. Однако камнем преткновения на пути к созданию системы коллективной безопасности, инициаторами которой были Советский Союз и Франция, стала психология национального эгоизма, или, как предпочитают изъясняться американцы, национальной исключительности, позволяющей им ориентироваться только на собственные интересы.

Все многочисленные тайные и явные договорённости между будущими союзниками в преддверии Второй мировой войны были настолько непрочными, что никто толком не представлял, где он окажется при её первых запахах: то ли, если воспользоваться некрасовскими строчками, в стане «ликующих, праздно болтающих, обагрющих руки в крови», то ли в стане «погибающих за великое дело любви». Всё определялось дивидендами будущего победителя. А кто им станет, никто ещё не представлял. Такова была «бескорыстная» логика намечавшегося очередного кровопролития.

Теоретики коммунизма были разочарованы и последствиями экономического кризиса, которые должны были, по их прогнозам, сопровождаться революционным взрывом мирового пролетариата, в огне которого погибнет капиталистическая система. Не зря же большевики верили, что «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...». Но оказывается, что буржуи живут на той же планете, что и их могильщики, и возможный мировой пожар едва ли станет благом для пролетариата. Поэтому главной задачей государства «победившего пролетариата» должна была стать политика противостояния Страны Советов втягиванию её в войну, что тоже было заведомой утопией, тем более что Советский Союз имел уже союзников, которым должен был оказывать помощь.

В Версальском мирном договоре будущего фюрера германской нации огорчала не столько утрата колоний (он с лихвой компенсирует её позднее за счёт захвата британских колоний в Африке, хотя это дело будет стоить ему потери стратегической инициативы на советско-германском фронте) и даже не дискриминационные меры в сфере наращивания во-

енного потенциала (он продолжал это делать исподтишка), сколько значительные территориальные потери (их не избежала и Советская Россия, тоже оказавшаяся в стане побеждённых), поскольку втихую восстановить прежние границы было невозможно. Это в полной мере понимал и Советский Союз, имевший право на удовлетворение территориальных претензий. И не упускал случая воспользоваться этим. Тем более что призрак коммунизма, бродивший по Европе, столь пугавший империалистическое общество, связывался им непосредственно с «возмутителем спокойствия» на Европейском материке, которым считалась коммунистическая Россия, постоянно находившаяся в ожидании агрессии со стороны вершителей «мирового порядка».

Среди его блюстителей особым рвением, разумеется не в ущерб собственным интересам, отличались Соединённые Штаты Америки, с малолетства невзлюбившие «страну-подростка» и негласно взявшие под своё попечительство всю свору тех, кому Советская Россия встала поперёк горла. Впрочем, новоявленный «миротворец» не был щедр и по отношению к давним союзникам, сумев своими более поздними дополнениями к Версальскому договору испортить настроение и Великобритании, покусившись на её преимущество в военно-морском флоте. Дело это почти вековой давности, поэтому вкратце напомним о том, как складывалась военно-политическая ситуация в Европе в промежутке между двумя мировыми войнами, когда Советский Союз сосредоточил все силы на созидательном труде, справедливо полагая, что это самый могучий фактор повышения обороноспособности молодой республики.

Теоретик РСДРП (Российской социал-демократической рабочей партии) В. И. Ленин считал Версальский мир, оценивая его с позиций Советской России и так называемого мирового пролетариата, — неосуществимой мечты большевиков, «договором хищников и разбойников»: «Это неслыханно грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов (по отношению к нецивилизованным вождь большевиков, видимо, считал его вполне «заслуженным». — *В. С.*). Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве». А ведь именно он настаивал на необходимости по возможности быстрее «превратить войну империалистическую в войну гражданскую» и успешно добился этого, оставив Россию один на один с вооружёнными до зубов разбойниками. Лелеял надежду, что те вдруг спасуют перед десятками миллионов самых цивилизованных и выместят всё своё несправедливое зло на менее цивилизованных? Так они-то, мало цивилизованные, и были тем самым пушечным мясом, которое с оружием в руках защищало свои народы независимо от степени их цивилизованности. Или в конце Первой мировой не было видно, что провокационный лозунг большевиков выйдет боком для России, надолго задержав мирное развитие её? Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

Неправомерно грабительским считала Версальский мир и Веймарская республика, возникшая на руинах Прусской империи. Даже Сталин

в середине тридцатых годов, не испытывавший особого расположения к Германии, в беседе с Э. Иденом сочувственно заявил, что такой великий народ, как германцы, рано или поздно «должен был освободиться от версальских цепей». Не метафорическую, а истинную суть этих «цепей» обстоятельно проанализировал военный историк А. Усовский в книге «Кто натравил Гитлера на СССР. Подстрекатели «Барбароссы» (М., 2012). Он, кстати, заодно предложил неполиткорректный план возобновить Нюрнбергский процесс, потому что на нём отсутствовали, по мнению автора, главные зачинщики Второй мировой войны — Черчилль и Рузвельт, натравившие Гитлера на Советский Союз.

Главной катастрофой для Германии по Версальскому договору, считает А. Усовский, была потеря всего военно-морского флота, не успевшего проиграть ни единой битвы: «Союзники (разумеется, по настоянию Англии, не желавшей видеть у себя под боком флотилию, способную в течение суток экономичного хода оказаться у британских берегов. — *В. С.*) посчитали необходимым лишить Германию флота, — впрочем, как и армии. Интернировав сначала в гавани Скапа-Флоу десять линкоров, пять линейных крейсеров, пятьдесят эсминцев и новейшие крейсера — потом, при подписании мирного договора в Версале, они уже не смогли от них отказаться. Германия лишилась своего линейного флота не в дыму сражений, не под грохот главного калибра — она потеряла эскадры простым росчерком пера... С 1919 года Германия навсегда (во всяком случае, так казалось победителям) лишилась военно-морского флота. Ей, правда, оставили какие-то антикварные броненосцы времён Русско-японской войны, десяток миноносцев и парочку крейсеров...». Немцам возбранялось строить конкурентоспособные военные корабли. О строительстве новейших видов морских вооружений, подводных лодок, которых в Веймарской республике было уже достаточно, и тем более авианосцев, не могло быть и речи. Впрочем, республике не на что было содержать и оставшуюся ей по договору корабельную рухлядь.

Союзническая экзекуция новорождённой Веймарской социал-демократической республики одновременно сопровождалась, видимо в назидание Советам, акциями британского, но отнюдь не диккенсовского юмора. В состав её флота англичане включили самые ветхие из оставшихся на плаву кораблей. «Ничего, кроме насмешек, — замечает А. Усовский, — эти корабли вызвать не могли не то что у британских моряков — у бразильских или аргентинских матросов они рождали лишь скупую мужскую слезу жалости... Германии разрешалось сохранить в составе флота шесть «линкоров» (было восемь, но два совсем уж утлых парохода списали в мишени) (все они были постройки начала двадцатого века. — *В. С.*). Ни о каких турбинных силовых установках на них не могло идти и речи — двигали их старые добрые паровые машины тройного расширения, в невероятных количествах пожирающие уголь, с коэффициентом полезного действия в пределах 8—9 %: англичане решили, что турбины на военных кораблях для немцев — немислимая роскошь». Скорость кораблей, доставшихся Веймарской республике, была

в два раза ниже британских «броненосцев». Аналогичная ситуация была и с корабельным вооружением. По количеству орудий и калибру их, по весу залпа, дальности огня и скорострельности английские корабли многократно превосходили немецкий военный утиль. Как справедливо заметил автор книги «Кто натравил Гитлера на СССР», оставить эти подсудины «в составе германского флота было не более чем злой шуткой британских адмиралов».

Даже из этих немногочисленных фактов совершенно очевидно, что британские «шутники», беспардонно усиливая свою военную мощь, всерьёз верили в то, что Германия смирится с этим унижением национальной гордости тевтонов, и не понимали, что играют с огнём, что выступают инициаторами очередного кровопролития. Страхуя себя от подобного сценария, Великобритания уже к моменту подведения итогов Первой мировой войны имела суммарный тоннаж своего военно-морского флота в три с четвертью миллиона тонн, то есть 42 линкора и линейных крейсера, 28 броненосцев, 4 авианосца, 120 крейсеров, 527 эсминцев, 147 подводных лодок. И более тысячи кораблей всех классов находилось на стапелях. Не в состоянии содержать эту армаду, в 1919 году Англия начала сокращать её за счёт устаревших модификаций, не отвечавших новым требованиям ведения морских войн, и вводить в строй наиболее перспективные, отвечающие духу времени и тактико-техническим данным вооружённых сил предполагаемого противника.

Вот тут-то, почувствовав, что Англия без зазрения совести усиливается за счёт европейских противников и американских кредиторов, и боясь упустить собственную выгоду, к корректировке версальских договорённостей подключились Североамериканские Соединённые Штаты. Тем более что и победители, и побеждённые активно использовали в Первой мировой американское оружие. Долг платежом красен.

«Договор пяти держав», подписанный в Вашингтоне 7 февраля 1922 года, обязывал Францию и Англию, должников дяди Сэма, по-братски уступить ему земли, которые пришлись по вкусу кредитору. К ним американцы относили ни много ни мало Китай, всю Юго-Восточную Азию, Скандинавские страны и Ближний Восток. Должники для порядка поупрямились, но тем не менее были вынуждены согласиться не только на то, что заокеанский дядя получил право распоряжаться в зонах исконно английского влияния, но и подписать договор о том, что оба англосаксонских государства могут иметь военно-морские силы в объёме, не превышающем тот, которым владел их благодетель-дядюшка. То есть тоннаж их линейных сил не мог быть более 525 тысяч тонн, причём водоизмещение одного линкора не должно было превышать 35 тысяч тонн. Есть разница между этой цифрой и 3250 тысячами тонн? Есть. И весьма существенная! Этак раз в шесть.

На эту «квоту» британцы могли построить не более 15 линейных крейсеров. А куда девать оставшиеся 985 кораблей, которые уже находились на стапелях? Вот что значит жить на деньги экономного родственника, почти что брата по крови. Но и это ещё не всё. Дядя Сэм внёс раз-

дор и во взаимоотношения своего племянника Томми с японцами, похоронив англо-японский морской договор, посчитав его направленным против Америки. Так что после Вашингтонских «правок» к Версальскому миру даже Англия могла считать себя ограбленной. И не кем-нибудь, а своим благодетелем. Таковы нравы олигархического капитализма, в чём скоро убедятся (если ещё не убедились) и партийно-хозяйственные «совки», которым довелось стать колонизаторами нефтегазовых пространств России.

Разумеется, и Великобритания, и кайзеровская Германия, не став ещё нацистской, без долгих раздумий начали искать пути к восстановлению своего военно-политического положения не только в Европе, но и в целом мире. Как ни строга была Америка по отношению к своему британскому союзнику, наделав ему пакостей и убедившись в собственном военном и экономическом превосходстве, она в качестве требовательного, но отходчивого папаша на многое закрывала глаза, сосредоточившись главным образом на контроле версальско-вашигтонских договорённостей со стороны Германии. В результате бритты вместо дозволенных 15 линкоров в период с 1926 по 1939 год ввели в состав своего флота 15 тяжёлых и 33 лёгких крейсера, всего 48 единиц крейсерского состава. Ровно в два раза больше, чем за всё это время построила кораблей разных типов Германия. Так кто же из этих двух государств больше готовился к войне? Ответ, по-моему, очевиден...

Понимая, что в возможной морской войне между Англией и Германией немцы могут стать «мальчиками для битья», немецкие адмиралы сели за разработку тактических схем так называемой «пиратской», или рейдерской войны, оснащая свой флот кораблями соответствующего Версальскому договору тоннажа и в обход этого договора — подводными лодками. Дело в том, что после мира в Версале Германии было разрешено строительство линкоров водоизмещением не более 10 тысяч тонн, крейсеров — 6 тысяч тонн, а эсминцев вообще — 800 тонн. Для океанической войны эти «лилипуты» по сравнению с британским флотом были непригодны, а навести шорох в Балтийском море и на английских торговых путях вполне могли. Так что к рейдерской войне немцев подтолкнули сами англичане, получив уже в период Второй мировой серьёзную головную боль. Немецкие адмиралы не стремились к столкновению с основными военно-морскими силами Англии, считая для себя это дело безнадёжным и довольствовались тем, что смогут поставить под контроль основные коммуникации противника. Опровергая сложившиеся в исторической науке антигитлеровские мифы, А. Усовский справедливо отмечает, что «войну с Англией на её коммуникациях немецкие адмиралы планировали задолго до прихода к власти нацистов — это была, что называется, *idéesfix* германских флотоводцев. Так что обвинять Гитлера в том, что он начал планировать военно-морское единоборство с Великобританией, значит однозначно погрешить против истины. Гитлер всего-навсего не мешал своим адмиралам готовиться к такому единоборству — и не более того».

Кайзеровской Германии пришлось проявить много изобретательности для строительства весьма специфического флота — малотоннажного, но по боевым качествам не уступавшего «серьёзным» кораблям, и для поиска средств на эти цели, и для внедрения в гражданские проектно-исследовательские конторы флотских офицеров, не состоявших в штабах военного ведомства. Эти и многие другие авантюры, связанные с обходом версальских ограничений, начаты были не Гитлером, а ещё Веймарской республикой. С приходом Гитлера к власти их масштаб серьёзно увеличился. В том числе в сухопутных войсках, по численности которых в 1933 году Германия была в числе европейских аутсайдеров, как ни трудно в это поверить.

2

Гитлер по натуре был реваншистом. Второстепенные роли в жизни он считал для себя оскорбительными и постоянно стремился к лидерству. Дьявольское начало в нём превалировало. Версальский мир для ветерана Первой мировой войны, дважды раненного на ней, он считал унижением не только собственной личности, но всей германской нации. Вынашивая планы отмщения за национальное поражение Германии в Первой мировой войне, он ссылался на то, что германский народ не потерпит оскорбительных для нации решений, принятых в Версале, и не скрывал своего стремления к реваншу, мечтая стать национальным героем, защитником чести отечества, а затем властелином Европы и, возможно, мира. Готовясь ко Второй мировой войне, он на первых порах не видел перед собой конкретного врага. Его врагами были «варвары», то есть практически все те, кто не относился к арийской расе. Став главой государства, он развернул бурную деятельность по восстановлению военного потенциала Германии.

Все бывшие враги Германии по Первой мировой войне, включая Польшу, были по сравнению с немцами вооружены до зубов. У Франции, запуганной немцами ещё с Верденской битвы, было к этому времени две с лишним тысячи танков, у Германии — официально ни одного, хотя что было у неё в загашнике, никто не знает. Польша имела более 400 стволов тяжёлой артиллерии, калибром от 149 до 210 мм, Германия, если опять-таки официально, не имела ни одного такого орудия. Советский Союз не бряцал оружием, но и не нищенствовал, поскольку мог в любой момент ожидать провокаций со стороны тех стран, которые зачислили его в разряд воинственных государств. В этой ситуации, понимая, что в скором времени Германии не догнать многих европейцев по уровню вооружения, Гитлер нашёл иной выход, предложив всеобщее разоружение, радикальное сокращение всех сухопутных армий Европы. Франция от этого категорически отказалась, Англию как морскую державу это мало интересовало. Такая реакция Гитлером ожидалась и послужила поводом для начала активного оснащения немецкой армии разными ви-

дами современного оружия. В том числе теми, которые были запрещены Версальским договором (боевая авиация, бронетехника). 14 октября 1933 года Германия отозвала своего представителя с переговоров по разоружению в Женеве и вышла из Лиги Наций. А через два месяца направила в неё меморандум, в котором объявила о том, что в создавшейся ситуации она не видит возможности для проведения политики разоружения и считает необходимым повысить военные расходы на 90 процентов, чтобы увеличить численность своей армии. Разумеется, львиная доля этих расходов шла на сухопутные войска и частично на строительство кораблей, которые должны были выполнять рейдерские функции. Для этого необходимо было увеличить их скоростные качества, дальность хода до трёх тысяч миль и оснащённость современным вооружением, способным наносить серьёзные повреждения кораблям более высокого класса.

Одновременно летом 1935 года Германия заключила с Великобританией морской договор, в котором англичане, уверенные в боевой мощи своего флота, пошли на некоторые послабления своему противнику, разрешив ему иметь надводный флот до 35 процентов от английского (включая постройку двух уже заложенных линейных крейсеров «Шарнхорст» и «Гнейзенау», 20 мореходных эсминцев и первых собственно немецких подводных лодок). Сразу же после подписания этого договора немцы заложили несколько тяжёлых крейсеров, один из которых — «Лютцов», заложенный в 1937 году, в феврале 1940 года был продан Советскому Союзу и 15 апреля этого года на буксире прибыл в Ленинград. Но всё это были крохи, свидетельствующие о том, что вступать в морскую войну с Англией Гитлер действительно не собирался. Это стало бы для него преждевременным самоубийством. Советский же флот он, видимо, исключил из категории серьёзных противников. И сосредоточил все свои усилия на оснащении вермахта.

Будучи мистиком и приверженцем оккультизма, Гитлер готовился ко Второй мировой войне, в которой должна была осуществляться его давняя мечта (дьяволы тоже умеют мечтать!), выражаясь достаточно вульгарной фразой, как к именинам сердца. Безжалостно устраняя своих внутренних недоброжелателей и не испытывая пощады к внешним врагам.

Пророки, набравшиеся смелости сказать ему о несбыточности его агрессивных планов, подписывали себе смертный приговор. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он не сомневался в победоносном завершении своей миссии превращения Германии в страну сверхчеловеков, существовавших в доисторические времена. С маниакальным упрямством он направлял многочисленные экспедиции в страны, овеянные легендами о магическом знании секретов победы, и на поиски мистического оружия, разработанного внеземными цивилизациями, одновременно не жалея денег, насыщая армию самым современным вооружением и новейшими средствами радиосвязи для механизированных войск и авиации. И, разумеется, — муштра и ещё раз муштра, в духе традиций прусского воинства.

Веруя в силу немецкого оружия, в стойкость и выучку армии, убежденный в неполноценности народов, которые он собирался покорить или уничтожить, Гитлер в то же время не исключал из факторов собственной победы и сверхъестественные силы, которые, как казалось фюреру, встанут на его сторону. Не лишённый экстрасенсорных способностей, он развивал их, с огромной заинтересованностью общаясь с представителями эзотерических знаний, и не раз удивлял свой генералитет провидческими предсказаниями.

В начале тридцатых годов ещё никому неизвестный и практически нищий Гитлер потратил много сил на поиски магического копья Судьбы, связанного с мифологической историей Христа, которое, по легенде, придаёт несметные силы воителям и решает судьбы сражений. Одно время, в IV веке, им владел византийский император Константин, который сначала был злым гонителем христиан, а потом узаконил христианство, получил прозвище Великий и был причислен к лику святых. Потом эта реликвия перешла в руки другого византийского императора — Юстиниана, который стал могущественным и с немногочисленным войском сумел в VIII веке дать отпор мусульманским завоевателям. Позднее владельцем магического копья стал франкский король Карл Великий, который в IX веке после успешных войн объединил народы Европы в одну империю. Правда, просуществовала она недолго, около сорока лет. Потом среди прочих завоевателей копьем Судьбы владел Фридрих Первый, прозванный Барбароссой. Именно его именем и заcodирует в середине 1940 года Гитлер план покорения Советского Союза.

Возможно, Гитлер не знал о том, какую роль сыграло магическое копье в русской истории, а то бы поостерегся давать такую шифровку планируемому захвату нашей страны. Дело в том, что в конце концов копье Судьбы в XIII веке оказалось в качестве трофея в руках русского князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского. Видимо, Ярослав Всеволодович или его сын, неоднократно бывавшие в Золотой Орде, то ли по своей воле, то ли по принуждению оставили копье там. Князь Дмитрий Иванович (сын Ивана Второго) во второй половине XIV века выменял христианскую реликвию у Мамаю на двух пленных мурз, разгромил на Куликовом поле золотоордынцев и вошёл в историю как Дмитрий Донской. Но, повторяю, Гитлер об этом, наверное, не знал. Как не знал он и того, что копье Судьбы, которым хотел завладеть Наполеон, миновало его и сыграло роковую роль в его походе на Россию. Однако потом оно оказалось в Вене и в начале Второй мировой войны попало в руки фюрера. Но, увы, ничем ему не помогло.

Не менее усилий потратила немецкая разведка для выполнения другого спецзадания фюрера, связанного с безошибочным осуществлением его заветной мечты (как говорится, верь в свои силы, но от божьей помощи не отказывайся) — поиска ещё одной магической христианской святыни, чаши святого Грааля (или, в переводе со старофранцузского, чаши Благодати), которой пользовался Христос на Тайной вечере, где, по преданию, Иуда предал Спасителя. После этого, как известно, он был распят

на Голгофе. После того как Иосиф Аримафейский собрал в чашу кровь из ран распятого Иисуса Христа, она приобрела магические свойства, способствующие её владельцу стать властелином мира. Считалось, что она вместе с копьём Судьбы является неотъемлемой частью некоего магического целого, творящего чудеса.

Чашу Грааля никто никогда не видел, но верящие в её магические свойства знали, что она хранится на недоступной горе Монсальват, куда её принесли небесные ангелы. Пообщавшись в 1938 году с копьём Судьбы и испытав судьбоносное просветление, Гитлер теперь ни о чём не думал, кроме того, чтобы любыми путями завладеть чашей Грааля. Рейхсфюреру СС Гимmlеру было поручено во что бы то ни стало и в кратчайшие сроки разыскать место её нахождения и доставить Гитлеру до начала Второй мировой войны. Многочисленные научные коллективы обследовали по всему миру архивы, святые места и храмы, в которых по предположениям учёных могла находиться магическая чаша. Результаты этих разысканий держались в полной тайне до завершения войны с целью запугивания воюющих государств. И неизвестны по сию пору.

Надо полагать, что именно поэтому и не осуществилась сокровенная мечта Гитлера. Видно, в противоборстве Дьявола и Бога победил последний... По утверждению В. В. Веденева, автора книги «Сто великих тайн Третьего рейха» (М., 2013), «Гитлер и его ближайшее окружение верили в бессмертие души... и в переселение душ. Фюрер считал себя перевоплощением Фридриха Второго и в своём кабинете всегда держал его портрет, а рейхсфюрера Генриха Гимmlера было принято считать новым воплощением императора Генриха Первого Птицелова». Мракобесие? Не берусь судить. Будущая наука, надеюсь, даст ответ на этот вопрос.

Но этот «мракобес» не уставал следить и за новейшими веяниями в науках, которые бы могли помочь усилению экономической и военной мощи Германии. Не имевшая собственной нефти Германия постоянно испытывала дефицит горючего для сухопутной армии, авиации и флота. Она вела серьёзные разработки синтетического топлива, которые курировались непосредственно главой государства. К началу Второй мировой войны немцы производили его уже до 9 миллионов тонн в год. Однако этого было недостаточно. Поэтому Гитлер был крайне заинтересован в нефтяных богатствах России, которые подвергались бомбардировкам в редких случаях. Фюрер был уверен, что в скором времени после начала Великой Отечественной войны русские нефтяные промыслы и нефтеперегонные заводы станут собственностью Германии. Поэтому он так рвался к Каспию и на Кавказ. Только после поражения под Сталинградом, когда кавказские нефтеносные районы оказались ему недоступны, он приказал люфтваффе стереть с лица земли все нефтеперерабатывающие заводы русских вплоть до Верхней Волги.

Из всех родов войск Гитлер придавал особое значение авиации. Немецкие авиаконструкторы постоянно разрабатывали и совершенствовали новые типы летательных аппаратов, включая самолёты вертикального взлёта, оснащённые реактивными двигателями. Есть свидетели, которые

осенью 1943 года наблюдали за испытаниями необычного летательного аппарата в форме серебристого диска диаметром около шести метров с каплевидной кабиной, похожего на НЛО, с пушкой типа танковой. Внизу конструкции располагались четыре пары небольших шасси.

Не могу не отметить, что в конспиративной деятельности по производству запрещённых Версальским договором видов вооружения почти сразу после запрета Гитлер, как это ни покажется странным, нашёл себе сговорчивого подельника в лице Советской России. Было это ещё при жизни Ленина, который умел находить с немцами общий язык. В 1922 году Советы подписали с Германией ряд договоров об экономическом и политическом сотрудничестве. Для крестьянской России сотрудничество с индустриально развитым государством было в этот момент выгодно. Однако оно имело тайный подтекст: на российской территории секретно создавалось немецкое военное производство, которое тщательно скрывалось от французов и англичан, могущих неправильно истолковать цели тайного сговора двух государств. В портовые Гамбург и Росток шли эшелоны с машиностроительным оборудованием и сырьём для производства бомбардировочной авиации, на которую Германия возлагала большие надежды в намечавшейся войне. Эта продукция затем морем доставлялась в Ленинград. А в обратном направлении уже шли тайно изготовленные «юнкерсы», которые через двадцать лет будут бомбить Советский Союз. Конечно, эта сделка была на руку Советской стране, которая могла начать производство бомбардировщиков для собственных нужд. Вскоре на договорной основе в России появились учебные центры для подготовки танкистов и специалистов для химических войск. А в 1929 году в Липецке была создана крупная авиашкола для подготовки немецких лётчиков. Отработка лётного мастерства гитлеровских асов, которым становились известны слабые и сильные стороны советской авиации и пилотов, тоже проходила на российских просторах. Многие из асов люфтваффе были выпускниками Липецкой лётной школы.

Вместе с продукцией потекли в Россию и немецкие специалисты, среди которых, безусловно, было немало и разведчиков. Точное количество их я не знаю. Поэтому не удивляйтесь тому, что в июньские дни 1941 года немецкая армия шла в Советский Союз, достаточно хорошо ориентируясь в небесном и земном пространстве противника. Вот такие трюки выделяла молодая советская дипломатия.

Фашистская армия пойдёт на Восточный фронт с хорошо подготовленной картографической продукцией. Впрочем, нет худа без добра: советские авиаинженеры хорошо знали достоинства и недостатки немецкой авиации и, разумеется, учитывали их, создавая новые типы самолётов.

За тайную авантюру по наращиванию военной мощи Германии, длившуюся два десятилетия, на которую Сталин пошёл ради ускорения индустриализации Советского Союза, Гитлер отблагодарит своего партнёра сорок первым годом. Некоторые учёные предполагают, что уже в тридцатых годах у Германии состоялся контакт с инопланетянами, от ко-

торых военные конструкторы получили недоступные землянам знания и технологии, позволившие немцам за годы войны построить 1150 подводных лодок, поражавших своим качеством моряков антигитлеровской коалиции. По словам В. В. Веденеева, известного исследователя тайн Третьего рейха, немецкие подводные лодки, в отличие от субмарин союзников, обладали почти бесшумным ходом, что серьёзно затрудняло их обнаружение при помощи гидроакустики. Запас топлива, который они несли на борту, позволял им действовать без дозаправки на расстоянии в 8,5 тысячи миль от базы, что по тем временам считалось почти невероятным. Немецкие субмарины отличались от лодок союзников низким силуэтом, отличной манёвренностью, усовершенствованной системой рулей, имели два перископа, а на вооружении 88-миллиметровую пушку в носовой части и 20-миллиметровую зенитную пушку в надстройке рубки.

Субмарины несли на борту сверхсовременные для того периода «самонаводящиеся электрические торпеды» — они не оставляли на поверхности воды характерного следа из пузырьков воздуха, что крайне затрудняло их обнаружение при торпедной атаке. Немецкие лодки настолько хорошо были отработаны технологически, что некоторые из них, принадлежавшие к седьмой серии, были введены в строй советских военно-морских сил и состояли на вооружении до конца пятидесятых годов, а одна лодка числилась в строю до начала семидесятых годов.

Третий рейх разработал первые образцы лазерного и ракетного оружия. Идеалом воина для Гитлера был рыцарь некогда могущественного Тевтонского ордена, отличавшийся беспредельной выносливостью и беспрекословным повиновением. Поэтому фюрер уделял огромное внимание созданию действенного психотропного оружия. Можно ещё долго рассказывать о военно-технологических достижениях национал-социалистов. Но и из этих примеров видно, что фашистская Германия была готова к войне с Россией, как говорится, во всеоружии. Советскому Союзу, сосредоточенному на мирном строительстве, пришлось догонять вермахт в сфере вооружения уже в разгар Великой Отечественной войны.

3

Один из парадоксов мирового цивилизационного процесса заключается в том, что улучшение экономического и культурного уровня жизни народа, приобщающегося к этому процессу, неизбежно приводит к противоположному эффекту, потому что сопровождается, с одной стороны, колониальными войнами, с другой — национально-освободительными движениями против колонизаторов. Повинна в этом в первую очередь неравномерность развития народов и государств, органически связанная с их геоприродными условиями существования и социальной историей — факторами, определяющими их менталитет. Но отнюдь не с расовыми и конфессиональными предрассудками или интеллектуальной

полноценностью/неполноценностью. Эти шовинистические теории возникают в качестве суррогатной этнофилософии, оправдывающей колониальные притязания государств, ранее других приблудившихся к промышленному (урбанистическому) уровню развития и нуждавшихся для дальнейшего благополучного существования в расширении своей территории как источнике дешёвой рабочей силы, необходимой для технического прогресса, или испытывавших ресурсный дефицит как для мирной индустриализации, так и для милитаризации экономики, без чего невозможно осуществить поставленные перед собой цели.

Все остальные теории — от лукавого. В том числе — о неискоренимости эгоизма человеческой природы, позволившей *homo sapiens* выделиться из животного мира. Биосоциальный момент в этом случае присутствует, но не он, думается, определяет натуру человека. Социум, в котором он обитает, гораздо более влиятелен, чем его биологический генезис. Нет ни высших, ни низших рас. Всё определяется социокультурной историей народа, в которую входит и политическая структура государства. Так что россиянам приходится только удивляться сложившимся у нас принципам финансирования культуры — по остаточному принципу. Именно так и формируются «недочеловеки».

Сто раз был прав Чингиз Айтматов, когда говорил: «Культуре нет альтернативы, культура суммирует всю жизнедеятельность того или иного народа, той или иной эпохи, в целом всего человечества. Оставлять культуру без средств существования — это вопиющее бедствие, равносильное рубке топором интеллектуальных корней нации». Тем не менее многие века цивилизации разных стран и народов думали не столько о преумножении человечества, его духовном и физическом совершенствовании, будто ориентируясь на неизбежный конец света, сколько об изобретении всё более совершенных средств его уничтожения — массового и скоротечного, находя философскую поддержку в разного рода теориях о неполноценности рас, о перенаселении планеты и дефиците материальных ресурсов для её благополучного, бесконфликтного существования. Поэтому в войнах ушедшего от нас XX века такую важную роль играл не только геополитический и техногенный фактор (техническое превосходство вооружения и природных возможностей для его обеспечения), но и фактор временной.

Моторизация современных армий даёт преимущество тем войскам, командование которых отличается быстротой интеллектуальной реакции, оперативностью принятия решений, которые оснащены скоростной техникой, новейшими средствами связи, управления и разведки, автоматизированным и бронированным оружием, компьютеризацией технологических процессов ведения боя, выучкой солдата, тоже доведённой до автоматизма. Короче говоря, всем тем, что позволяет опережать противника. Всеми этими качествами отличалась вымученная, технически оснащённая, моторизированная немецкая армия. Советским войскам в начальный период войны не хватало мобильности, быстроты принятия решений, транспорта. СССР испытывал дефицит беспроводной свя-

зи, отчего постоянно нарушалось управление подразделениями, что приводило к тяжёлым последствиям.

Я вспоминаю не очень давний разговор с нынешними солдатами-ракетчиками. Зашла речь об оснащении современных войск новейшими ракетами «Тополь», об их преимуществах по сравнению с обычной зенитной артиллерией. «Если командующий дуб, — заметили мне армейские остряки, не скрывая своей неприязни к нашему бывшему министру обороны, специалисту мебельных и прочих дел, — то ему никакие «Тополи» не помогут». Современные офицеры понимают фактор времени в военных конфликтах. Потому что война всегда напоминает маятник, который раскачивается от победы до поражения, и амплитуда между ними едва ли поддаётся алгоритмизации. Она зависит не только от гармоничного сочетания всех названных (и многих неназванных) факторов, но и тех, которые зачастую вообще невозможно учесть. К ним, в частности, относится благоволение природы. Иногда и случайная туча на небосводе может сорвать важную фронтальную операцию. И особую роль всегда играл фактор внезапности, который в эпоху ракетного оружия приобретает первостепенное значение. Кайзеровская Германия, воспитанная в прусских традициях, всё это прекрасно понимала и, готовясь к возвращению утраченных по Версальскому миру земель, начала наращивать военный потенциал не по дням, а по часам, игнорируя запреты на увеличение бронетанковых войск, крупнокалиберной артиллерии и авиации. До начала Второй мировой войны, пока Германия могла без каких-либо ограничений использовать мировые сырьевые ресурсы в рамках торгового взаимодействия или — предпочтительнее — клиринга, дела у немцев шли успешно.

В сентябре 1939 года личный состав германских войск был уже более 4,5 миллиона человек и превышал англо-французскую живую силу (вместе с войсками их союзников) почти на 700 тысяч человек. Правда, танков у немцев было пока 3195 единиц, то есть на 550 меньше, чем у предполагаемого противника. Но в морской войне это не имело бы серьёзного значения. Не случайно к ней Германия, как мы уже знаем, не готовилась, а точнее — намеревалась флибустьерствовать. Незначительно отставала она от этого противника и в самолётах — всего на 442 единицы: авиация могла пригодиться в любой войне. Сопоставлять количество боевых кораблей в намечавшемся военном конфликте не имеет особого смысла: их у Германии было в четыре с лишним раза меньше. Трудно поверить в то, что самый выдающийся флотоводец сумел бы помочь немцам в этой ситуации. Хотя давно известно, что побеждают не числом, а умением. А пруссаки испокон веку умели готовить вышколенную, доведённую до полного автоматизма армию, строго соблюдающую фронтальную дисциплину. Так что до начала войны Гитлер не унывал, надеясь, что она не затянется и ресурсы на достижение желаемого результата у него хватит. Увы, даже к любимцам Фортуны судьба не всегда бывает благосклонна.

Гитлер не учёл того обстоятельства, что с нападением 3 сентября 1939 года на никому не нужную, казалось бы, беззащитную Польшу (ко-

торая в двадцатых годах, между прочим, дала достойный «отлуп» большевистской России) ситуация принципиально изменится. Эта вроде бы локальная война всполюшила весь мир, почему и стала называться Второй мировой. И ресурсная база нищей в этом отношении Германии оказалась не под семью замками, а под таким количеством запоров, которые трудно пересчитать. Вот объективное свидетельство военного историка, который воссоздавал события прошлого не по плакатам и листовкам советского агитпропа, а на основе архивных источников: Англия (а вслед за нею и Франция) в тот же день объявляют войну Германии, и «почти автоматически Третий рейх оказывается в состоянии войны с половиной мира (население Британской империи на тот момент — худо-бедно, более полумиллиарда человек, её территория включает в себя половину Северной Америки, большую часть Африки, Австралийский континент с прилегающими островами, Индию, Малайзию и десяток иных прочих территорий в Латинской Америке и на Ближнем Востоке плюс французские колонии, в числе коих Индокитай, Сирия, Алжир и изрядные куски Северной и тропической Африки, кое-что в Тихом океане и по мелочам по всему миру). То есть в противостоянии с Германией её враги могут смело включать ресурсы всей Ойкумены: они владеют морем, в их руках — мировая торговля, следовательно — их потенциал практически безграничен.

Потенциал Германии ограничен более чем. Её союзники — Италия и Япония — в военном отношении к 1939 году величины ещё неизвестные (их войны в Абиссинии и Китае — не более чем карательные походы), зато в экономическом — ничтожны абсолютно достоверно. Ресурсы всей этой «антикоминтерновской» братии критически малы даже в сравнении с ресурсами одной только Великобритании...

Все мировые запасы марганца, например, находились вне Германии. Девять десятых тогдашних разведанных запасов нефти находились вне немецкого контроля — Гитлер мог лишь рассчитывать на маломощные месторождения Плоешти да какие-то небольшие запасы в Венгрии и всё. О свободе доступа к таким сырьевым ресурсам, без которых неммыслима современная война, как каучук, олово, никель, алюминий — немцам приходится только мечтать»¹. Если бы «богатый» империалистический блок хотел уничтожить «нищую» Германию, он мог бы задушить только одной экономической блокадой, невзирая на успехи гитлеровских надводных и подводных «корсаров», сумевших до начала июня 1940 года потопить 200 (без единого) торговых кораблей общим водоизмещением около миллиона брутто-регистрационных тонн. Ещё около 400 тысяч этих измерительных единиц (115 судов) погибло от мин, выставленных немцами на фарватерах. Затем эти достижения пошли на снижение в связи с дефицитом нефти, пожираемой «подводниками», базы которых были удалены от рейдерских путей англо-французского флота, то есть, иными словами,

¹ Усовский А. Кто наградил Гитлера на СССР. Подстрекатели «Барбароссы». М.: Яуза-Пресс, 2012. С. 77—78.

много топлива съедалось вхолостую и коэффициент полезного действия гитлеровских пиратов, справедливо не хотевших развязывать морскую войну с англосаксами, существенно снизился.

Ни Англия, ни стоявшие за её спиной Соединённые Штаты на экономическую блокаду Германии не пошли. Во-первых, они в этом случае теряли бы часть своих дивидендов. Во-вторых, можно с огромной долей вероятности предполагать, что они лелеяли надежду спровоцировать Гитлера на войну с Советским Союзом, где и людских ресурсов (бесплатной рабочей силы), и материальных Германии могло бы хватить — в случае её послевоенного владычества — на многие десятилетия, если не на века. Гитлера не надо было учить уму-разуму, он прекрасно понимал это сам, тем более что колонизация Востока, в котором обитают варвары, была его заветной мечтой. Вообще *Drang nach Osten* (натиск на Восток) — идея давняя и чисто прусская, родоначальником которой был Фридрих Великий. Правда, распространявшаяся им преимущественно на внутреннюю колонизацию, то есть освоение восточно-европейских земель, она не имела той масштабности, которую придали ей — не побоюсь унизить этим определением истинных романтиков — прагматические романтики, превратив этот лозунг в идеологию внешнего колониализма, вдохновлявшую и оправдывавшую захватнические войны. В таком виде она и дошла до гитлеровских времён, наполнившись при нём откровенно нацистским духом и став практически идеологическим обоснованием самой кровопролитной войны XX века.

Не думаю, что, направляя свои войска в Польшу для восстановления утраченных после Первой мировой войны территорий, фюрер не знал о её союзнических отношениях с Англией. Для него Польша была сущий пустячок. И сама она, конечно, даже помня о своём сильном союзнике, никогда бы не вступила в войну с противником, если бы не хотела своей гибели. Поэтому есть все основания предполагать, что инцидент в Глейвице, послуживший для Германии толчком к началу боевых действий, был спровоцирован немецкой разведкой, обрядившей в польскую форму солдат вермахта. Дело это, как говорится, для зачинщиков войны житейское.

Сама Польша в военном отношении особых хлопот для Гитлера не представила бы. Что вскоре и подтвердилось: перейдя 1 сентября 1939 года границу Польши, немецкая армия в течение двух с половиной недель разгромила её. Но в войну тут же вмешались Англия и Франция, решившие выполнить союзнические — по отношению к ляхам — обязанности. Этого Гитлер настолько не ожидал, что не успел накануне войны отозвать суда из иностранных портов, где находилось около 20 процентов немецкого торгового флота. Противники Германии, разумеется, сначала их интернировали, а потом реквизировали, чтобы использовать в своих интересах. Свыше 30 немецких кораблей взяли под своё покровительство Нидерланды, которые соблюдали нейтралитет. Они приютили их в своих индийских колониях. Но, когда через полгода после польских событий немцы вторглись в Голландию, Германия лишилась и

этих кораблей. Такая же участь постигла и торговый флот Италии (союзника Гитлера), который после начала войны оказался за пределами Средиземного моря. А там было ни много ни мало треть флота (то есть 256 судов). Всех их вскоре прибрали к своим рукам англичане и американцы.

Гитлер начал нести серьёзные убытки не только с этой стороны: война сразу потеряла эффект внезапности — один из главных стратегических ресурсов всякого бандита. Война начала приобретать затяжной характер, на что фюрер не рассчитывал. Это стало знаком будущих военно-политических неприятностей для Германии, но имело положительный эффект для Советского Союза, стремившегося выиграть время для завершения массы дипломатических, хозяйственных и оборонительных мероприятий, чтобы подготовиться к практически неминуемой войне.

Но самое главное, что англо-саксонские союзники Польши произвольно изменили радикально планы Гитлера, заставив его начать *Drang nach Osten* спустя почти два года после вторжения в польские владения и тем самым дав возможность Сталину форсировать свою предвоенную подготовку, что отнюдь не входило в стратегические интересы Великобритании. И, разумеется, Германии, поскольку, на время забыв про Россию, ей пришлось в лихорадочном темпе укреплять свои тылы. А это опять-таки вело к серьёзному истощению материальных ресурсов, ослабляя надежду на победу в Восточной войне.

Вслед за Польшей, Англией и Францией в область актуальных военных интересов Гитлера, а он любил побаловать себя, попали Дания и Норвегия, через которую он мог получать из Швеции железную руду, так необходимую всякому воинственно настроенному субъекту... Короче говоря, менее чем за год Гитлер навёл порядок в Европе: кого победив в сражениях, кого купив посулами, кто, во избежание больших жертв, сам перешёл на сторону Германии. А кое-кто стал уверять фюрера, уверявшего многих в своих дружеских отношениях, в не менее дружественном расположении к нему. Прагматизм и двуличие испокон веку союзники в политической борьбе. Не следует закрывать глаза на то, что этот двусторонний инструмент использовался и Советским Союзом. Безгрешных политических деятелей не бывает. Тем более когда они оказываются в международной изоляции и в ситуации, где сегодняшний союзник завтра может перейти на сторону противника. В этом случае любая синица в руках оказывается дороже журавля в небе.

Не думайте, что укрепляя свои тылы, Гитлер отказался от идеи фикс, связанной с завоеванием Востока: маньяки от своих идей чаще всего не отказываются. Они с ними ложатся в гроб. Фюрер Национал-социалистской партии Германии и глава государства, несмотря на ширившиеся разговоры о неспособности большевистской России оказать активное сопротивление в связи с репрессиями советских военачальников, прекрасно понимал, что восточный сосед может оказаться для него крепким орешком: позорный финиш наполеоновского визита в Москву

ему был памятен. Но для того чтобы создать империю — из чистокровных ариев! — переселив всех представителей низших рас, «осквернивших» своим присутствием исконные земли арийских народов, за Урал, надо было создать в центре Европы ударный кулак из сотни миллионов верных ему защитников Третьего рейха. Чем, в сущности, он и занимался все тридцатые годы.

А не проще было бы — вопрос, конечно, запоздалый! — создать РГФСР (Российско-Германскую Федеративную социал-демократическую республику), закрепив сей империалистический союз рукопожатием со Сталиным и чокнувшись бокалами со шнапсом и любимым вином бывшего сына грузинского сапожника. И были бы тогда немецкие волки сыты, а советские овцы целы. И жить бы в мире да ладе со всеми другими народами очеловеченной планеты Земля, умножая её материальные и духовные богатства, заботясь о её экологическом благополучии, совершенствовании нравственного и физического здоровья человека. А чтобы не затосковать от безделья, можно было бы наслаждаться достижениями мировой многонациональной культуры, попутно изучая космические миры и океанические глубины в поиске ещё более благополучных мест обитания для разумных и во всех смыслах полноценных людей, счастьем для которых является не погоня за золотоносным источником и животное удовлетворение низменных физиологических потребностей, а наслаждение от радости общения друг с другом и постижения тайн мироздания.

Ан жажда властвовать и демонстрировать свою исключительность — бич ограниченного разума — основной камень преткновения на пути к мирному существованию планеты.

Антикоммунистическая истерия крупнейших капиталистических государств Европы, видевших в любой мирной инициативе Советской России «тайные замыслы», поощряемая всё тем же дядей Сэмом, нежелание буржуазных монополистов портить отношения с Германией — то ли будущим союзником, то ли противником в надвигающейся войне, создали настолько напряжённую международную атмосферу, что и те страны, которые не имели никаких претензий к большевикам, но были запуганы прогностическими «страшилками», не спешили давать добро на установление добрососедских отношений, боясь быть втянутыми в войну. Поэтому усилия советских дипломатов по созданию различного рода антивоенных объединений не всегда находили поддержку в мировом сообществе. Переговоры СССР о создании Восточного пакта (1933) — договоры о взаимопомощи между Советским Союзом, Чехословакией, Финляндией, Латвией, Эстонией и Литвой были заблокированы. Та же участь постигла проект Тихоокеанского пакта о ненападении — с участием СССР, США, Китая и Японии. Пришлось отказаться от политики невмешательства, чтобы окончательно не утратить веры других государств в способность Советской России вести самостоятельную политику. Это тоже не принесло дипломатических дивидендов: помощь республиканцам в гражданской войне в Испании (1936) вызвала потоки лжи по по-